Клавдия Лукашевич

ДЯДЮШКА-ФЛЕЙТИСТ

Девичьи судьбы

Девичьи судьбы

Клавдия Лукашевич

Дядюшка-флейтист (сборник)

«ЭНАС»
1898, 1906

УДК 82-3
ББК 84-44

Лукашевич К. В.

Дядюшка-флейтист (сборник) / К. В. Лукашевич — «ЭНАС», 1898, 1906 — (Девичьи судьбы)

ISBN 978-5-91921-052-8

Произведения Клавдии Лукашевич, исполненные милосердия, сострадания и любви к детям, по праву входят в золотой фонд русской детской литературы. Ее рассказы и повести знают и любят уже несколько поколений читателей. В книгу включены две повести: «Дядюшка-флейтист» и ее продолжение «Сиротская доля». Наташа, маленькая сирота, живет в семье родственников, где всем заправляет глупая и жестокая тетка. Девочка лишена ласки и внимания, жизнь ее беспросветна. Но вот в доме на недолгое время появляется добрый, хотя и чудной дядюшка, в котором Наташа находит родственную душу…

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-052-8

© Лукашевич К. В., 1898, 1906
© ЭНАС, 1898, 1906

Содержание

Предисловие от издательства 6
Дядюшка-флейтист 7
Неудачная просьба 7
Ушки на макушке 12
Новый жилец 15
Музыкальный вечер 18
Тепло и свет 21
Наташа заболела 25
Дядюшку выгнали 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Клавдия Лукашевич
Дядюшка-флейтист (сборник)

© А. Власова. Иллюстрации, 2011
© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2011

Предисловие от издательства

Известная русская писательница Клавдия Владимировна Лукашевич (настоящая фамилия Хмызникова, урожденная Мирец-Имшенецкая) родилась в 1859 году в семье обедневшего помещика.

В течение многих лет она преподавала русский язык, была составительницей детских календарей, учебников и хрестоматий для начального обучения, пособий для проведения праздников для детей и юношества.

Литературную деятельность Клавдия Владимировна начала в 1880-х годах. Она сотрудничала практически во всех детских периодических изданиях – писала исключительно для детей в разных жанрах: повести, рассказы, очерки, пьесы, биографии великих людей. Ее «Азбука – сеятель и первое чтение для школы и семьи» (1907) выдержала множество изданий. Сборники рассказов писательницы для детей младшего («Зернышки», 1889 и др.), среднего и старшего возраста («Босоногая команда», 1896 и др.) были в свое время очень популярны. Широкую известность получили также ее автобиографические повести «Мое милое детство» (1914) и «Жизнь пережить – не поле перейти» (1918), повесть о В. А. Жуковском и другие произведения.

В годы Первой мировой войны Лукашевич содержала на свои средства палату для раненых в лазарете им. Л. Н. Толстого (ее собственный сын погиб на фронте в 1916 году), устроила приют для детей воинов, ушедших на фронт.

После революции увидели свет лишь два рассказа писательницы: «Сын стрелочника» (1927) и «Митрофашка» (1924), выпущенные кооперативными издательствами. Последние годы Клавдия Владимировна жила в крайне стесненном материальном положении, скончалась в 1931 году.

В книгу включены две повести: «Дядюшка-флейтист» и ее продолжение «Сиротская доля».

Наташа живет в семье брата своего покойного отца. Этот тихий и безответный человек сам далеко не богат и выбивается из сил, пытаясь прокормить семью. Его жена и дочь невзлюбили сироту с первого взгляда и не стесняются срывать на ней зло. Но у хозяина дома есть еще один брат. В этом добром, хотя и несколько чудаковатом дядюшке Наташа находит родственную душу. Согретые взаимной привязанностью, эти двое гораздо увереннее шагают по жизни.

Дядюшка-флейтист

Неудачная просьба

Наступил вечер. Марья Ивановна зажгла небольшую фарфоровую лампу и надела на нее розовый бумажный абажур. Приятный свет озарил низкую продолговатую комнату, убранную с некоторым щегольством. Мягкий диван и два кресла были обиты красным ситцем с большими желтыми букетами; перед диваном стоял круглый стол с узорчатой клеенкой; между окнами висело небольшое зеркало, рядом приютился столик с высокими стеклянными подсвечниками, на которых красовались огромные бумажные розетки в форме розанов. На стенах висели литографии в узеньких золоченых рамках: на двух были изображены дети с собачками – один плачет, другой смеется, на других – яркие пейзажи. Тут же у стены стояло старинное фортепиано с бронзовыми ручками и этажерка, покрытая пестрой вязаной салфеткой; этажерку украшали чайные чашки, вероятно, даренные в именины, масленка в виде огурца, серебряная солонка и несколько дешевеньких статуэток; на окнах из-за тюлевых занавесок виднелись тощая герань и фуксии. Квартира была тесная, с низкими потолками, где-то на окраине города, в одном из тех небольших деревянных домов, где ютятся бедняки, всю жизнь проводящие в тяжелом труде.

Марья Ивановна, засветив лампу, стала накрывать на стол. Это была женщина высокая, полная, с красным лоснящимся лицом, покрытым веснушками; движения ее, несмотря на полноту, были быстрые, манеры – решительные. Она проворно гремела чашками и ложками, двигала столом и стульями. Затем Марья Ивановна поспешно скрылась из комнаты и бегом вернулась с гулко кипящим самоваром, грузно опустилась на стул, заварила чай и, сложив на груди руки, задумалась.

В углу за диваном что-то зашуршало и грохнулось на пол. Марья Ивановна вздрогнула и обернулась.

– Фу, как ты меня испугала! Я совсем о тебе забыла. Чего ты там возишься?! – недовольным тоном проговорила она.

– Я, тетенька, катушку уронила, – послышался тихий ответ; из-за дивана выглянуло худенькое личико с остриженными под гребенку белокурыми волосами и большими задумчивыми глазами, над которыми резко выделялись темные приподнятые брови, придававшие лицу выражение не то испуга, не то удивления.

– Липочка! Петр Васильевич! Идите чай пить! – низким, грудным голосом кликнула Марья Ивановна, не обращая больше внимания на девочку за диваном.

За тоненькой перегородкой послышалось движение. Отворилась дверь, и вошла девушка – полная, черноглазая, как две капли воды похожая на сидевшую за столом женщину. Девушка

была в широком розовом ситцевом капоте[1]; волосы ее на лбу были завиты в бумажные папильотки[2]. Она поспешно подошла к зеркалу и стала внимательно разглядывать свое лицо.

Из-за дивана на смотревшуюся девушку устремились любознательные детские глаза. «Это Липочка опять на свой нос смотрит», – мелькнуло в стриженой белокурой головке.

– Ах, это противное кривое зеркало! Ну когда вы, мамаша, соберетесь купить хорошее? Своего лица узнать нельзя! – воскликнула черноглазая девушка.

– Подожди милая. Вот когда твой батюшка свою роденьку[3] с рук спустит… тогда можно будет и о наших удобствах подумать… Тогда и зеркало тебе купим.

– Смотрите, мама! Какая досада! Опять отчего-то у меня нос краснеет… Что мне делать?!

– Помажь на ночь кольдкремом[4], – посоветовала мать.

Развалистой походкой Липа подошла к столу, села удобно на диван и отложила себе с сухарницы половину булок.

– Не осталось ли у нас, мамаша, ливерной колбасы да вареньица? – спросила она гнусавым голосом, небрежно положив локти на стол.

[1] Капо́т – женское домашнее платье свободного покроя.

[2] Папильо́тки – кусочки бумаги, на которые накручивают при завивке пряди волос.

[3] Родню, родственников.

[4] Кольдкре́м – косметический крем для смягчения кожи.

Мать ласково улыбнулась:

– Ишь ты лакомка! Избаловала я тебя! Так и знала, что за чаем попросишь… Конечно, припрятала…

Она поднялась, достала из шкафа кусочек колбасы, чашку с отбитой ручкой и отдала все дочери.

– Петр Васильевич, да иди же чай пить! Наталья, бери свою кружку! – сказала Марья Ивановна, отставляя на край стола желтую кружку и откладывая ломтик хлеба, два сухаря и кусочек сахару.

Наташа вышла из-за дивана. Это была бледная, худенькая девочка лет семи-восьми, одетая в какой-то старый длинный балахон и в стоптанные туфли. Робко ступая по полу, она тихо подошла к столу, взяла кружку и отнесла ее на стул, к которому заранее подставила скамеечку. Девочка стала пить чай, жадно поглядывая на Липу и провожая глазами каждый кусок булки, который та, обмакнув в варенье, подносила ко рту. Хотелось ли ребенку попробовать вкусного или ее занимало чавканье девушки – так и осталось неясным.

В это время вошел высокий белокурый господин в очках, худощавый, сутуловатый. Из всех присутствующих только маленькая девочка поразительно походила на него. Вошедший устало потянулся, протер очки, жмуря глаза, а затем глубоко и как-то болезненно вздохнул на всю комнату.

– Фу, как устал! – вырвалось у него.

– Садись чай пить, – сказала Марья Ивановна.

– Погоди, дай немножко в себя прийти от этой каторжной работы.

Он стал ходить взад и вперед по комнате, потирая руки; проходя мимо Наташи, взглянув украдкой на сидевших за столом, он порывисто погладил девочку по стриженой головке.

– Машенька, налей Наташе еще чайку, – тихо сказал он.

– Что у нее языка, что ли, нет? Наталья, что же ты не спросишь? Хочешь?

– Позвольте, пожалуйста, тетенька, – заученным тоном ответила девочка, подходя с кружкой к столу.

– Может, ей булочки еще хочется? – начал было Петр Васильевич.

– Пожалуйста, не беспокойся… – перебила его жена. – Она получила всего вволю… Разве полезно наедаться на ночь? Ты не вмешивайся: твою племянницу не обидят!

Петр Васильевич стал пить чай. Он был молчалив, печален; между бровями у него пролегли глубокие морщины – свидетельницы тяжелых дум; пальцы его нервно барабанили по столу.

В комнате наступило молчание.

Черноглазая Липа с аппетитом допивала уже третью или четвертую чашку чаю.

– Мама, да нет ли у нас еще кусочка булки? – спросила она, заглядывая в чашку с отбитой ручкой.

Булка была предусмотрительно припрятана матерью, и девушка стала ее намазывать остатками варенья.

Петр Васильевич решительно тряхнул волосами и взглянул на жену.

– Машенька… Вот… я давно все хочу поговорить с тобой, – начал он каким-то заискивающим тоном.

– Насчет чего это? – удивилась Марья Ивановна. Липа перестала жевать и смотрела на отца.

– Да насчет Коли…

– Что еще приключилось с твоим полупомешанным братцем?

– Надо бы его взять к нам…

– Этого недоставало! Ты, кажется, намерен всю свою милую родню здесь поселить! Тогда мне с дочерью места не хватит!

– Ужасно жаль Колю! Больной, одинокий, бедствует… Одежды нет… А теперь морозы наступают… Помогать же мне ему решительно не из чего…

– Поменьше бы пил!.. Да место себе сыскал бы… Еще бы ты вздумал на сорок рублей жалованья всех своих родственников содержать! И без того из сил выбиваемся для них, себе во всем отказываем…

– Нельзя же, Машенька, жить только для себя. Положим, мы люди бедные, помогать много не из чего… Так хоть для близких что-то сделаем по возможности…

– Мало мы еще делаем! – взвизгнула Марья Ивановна. – Вот твоя племянница – два года живет! Разве она нам мало стоит? А у нас дочь взрослая… Молоденькой девушке и того, и другого хочется… А мы ей даже зеркальца приличного не можем купить…

– Коля немного стоил бы и не помешал бы вам… Он человек недурной и в доме помог бы…

– Ну да! Напьется, того и гляди, квартиру спалит, набуянит… Мало ли что может натворить!

– Что ты, Машенька! Он, как ягненок, тихий… Конечно, это несчастье с ним случается, выпьет… В семье его скорее остановить, удержать можно… Да и денег у него теперь нет… Если он выпьет, то молчит, тотчас спать ложится… Ты не бойся, я его уговаривать стану: не посмеет он.

– Где ж вы, папа, хотите поместить почтенного дядюшку? – спросила Липа.

– Можно, пожалуй, у меня в комнате…

– У тебя нельзя. Самому повернуться негде! – резко сказала жена.

– Ну, хоть в кухне ему уголок отвести: он не требовательный, его судьба не баловала…

– Уж увольте, папа. Мне в кухню тогда и выйти нельзя будет: вечно одевайся, стесняйся… В своей квартире покою не будет!

– Нет, нет! Как хочешь… Я не согласна взять сюда еще твоего идиота-братца. Довольно! Я не соглашаюсь! – крикливо отрезала Марья Ивановна.

– Люди животных жалеют… А для человека, для моего родного брата, у нас ни угла, ни куска хлеба, значит, нет? Он, голодный, нищий, будет умирать зимой под забором, а мы станем спокойно смотреть? Так, что ли? Спасибо, жена!

Петр Васильевич встал; он весь трясся, говорил задыхающимся голосом, раскрасневшись и ероша волосы.

– Сделай, пожалуйста, одолжение! Зови сюда своего Коленьку и всю твою родню. Только уж тогда мы с дочерью уедем, – язвительно проговорила жена, поднимаясь и унося самовар.

Петр Васильевич, стиснув руками голову, прошел в свою комнату.

– Ах, эта злополучная судьба! Забила ты нас всех! – послышалось оттуда.

– Вот еще что выдумал! – прошипела Марья Ивановна, обращаясь в Липе. – Сами бедствуем… А тут корми всех его дармоедов-родственничков.

– Не соглашайтесь, мама, – шепотом ответила дочь. Она подошла к зеркалу, зажгла свечу и опять стала рассматривать свое лицо.

– Твоего почтенного дядюшку и в квартире-то совестно держать. Такой оборванец, точно нищий. Вообще, вся родня твоего папеньки – одно несчастье!

– Ш-ш-ш, мама, тише… У наших «ушки на макушке», – и Липа подмигнула в сторону Наташи.

– Да что она, глупая, смыслит? – возразила мать, убирая чайную посуду.

– Мамаша, купите мне завтра к чаю ливерной колбасы, – попросила Липа.

– Хорошо, милая, куплю.

– Да сварили бы вы к обеду борщ со свининкой. Так хочется!..

– Хорошо, хорошо… Дорога́ нынче свинина-то… Я уже приценялась, – знаю, что ты любишь. Завтра пораньше на рынок пойду.

– Наталья, ну чего ты глазеешь-то? Укладывайся спать! – сказала Липа, а сама еще ближе придвинулась к зеркалу и принялась мазать нос кольдкремом.

Ушки на макушке

А маленькие детские ушки все слышали, серьезные, пытливые глаза все видели, а стриженая головка все думала, думала…

В небольшой квартире Петровых все затихло. Из-за перегородки слышался ровный, звучный храп хозяйки, а из комнаты хозяина – шуршанье бумаги да скрип пера.

Наташа ворочалась на диване и никак не могла заснуть. Она все думала об этом Коле, из-за которого сегодня поссорилась тетка с дядей и которого тетя Маша называла то «полупомешанный братец», то «дядюшка-идиот», то «почтенный родственник». В голове девочки неотступно стояли слова: «Он больной, одинокий, несчастный. Люди животных жалеют, а родной брат зимой умирает под забором…» Наташа как будто видит пред собою этого несчастного… Из-за него сегодня у дяди Пети на глазах показались слезы, когда он просил взять его в кухню. И чего тетенька и Липочка не согласились? Какие безжалостные! Неужели им все равно? Девочке так его жаль, что маленькое сердечко тревожно стучит и сжимается болью, а призрак этого одинокого, голодного дядюшки не дает ей заснуть целую ночь…

Наташа видела его два раза, когда он приходил к Петровым в кухню. Он очень походил на дядю Петю, только голову держал как-то странно, набок, и не мог выпрямить, да правую ногу беспомощно волочил за собою.

«Почтенный дядюшка» был маленького роста, с белокурой бородкой, кроткими голубыми глазами и, должно быть, не очень еще старый. Обедал он всегда в кухне, и когда тетенька выходила, то дядюшка поспешно вскакивал с табурета, суетился, дрожащими руками хватал посуду, предлагал ее помыть, поддерживал тетю Машу под локти и говорил: «Тихонечко, осторожнее, Марья Ивановна, не оступитесь». При этом он весь сгибался, говорил тихо, и губы его дрожали. Тетя Маша с ним никогда не разговаривала, даже не смотрела на него.

Видела Наташа, как дядя Петя однажды сунул «почтенному дядюшке» две папироски и серебряную монету, а тот так торопливо все спрятал, точно боялся, что у него все это отнимут.

Лежит Наташа на диване и думает, думает без конца… Вспоминает она, как дядя Петя говаривал не раз, что они все неудачники, что судьба забила его, Колю и Мишу – покойного отца девочки. Эта самая судьба представлялась ребенку в виде здоровенной бабы, которая своими большими, толстыми руками немилосердно колотила дядю Петю, Колю и Наташиного папу. Девочке было их жаль, хотелось защитить от этой злой бабы, но что она, маленькая и слабая, могла сделать? Уткнувшись в свою жесткую подушку, Наташа начинала тихо, беспомощно плакать…

Наташа была сирота. Матери она не знала: та умерла, когда Наташа появилась на свет. Жизнь малютки с больным отцом была нерадостной. Наташа не знала материнской любви и ласки и не видела счастливого детства. Она была очень болезненная, молчаливая, апатичная… Отец любил ее, по-своему жалел, но рано покинул этот мир. Два года тому назад его не стало, и перед смертью он умолял брата Петра не покидать бедную сироту, у которой не было на свете ни души.

Дядя Петя взял малютку и привез ее в свою семью. Марья Ивановна тогда очень сердилась и ни за что не хотела оставить у себя Наташу.

– Пожалей, Машенька, сиротку… – умолял Петр Васильевич. – Я брату перед смертью обещал… Не исполнить такой обет – грешно! Нас Господь накажет! У девочки никого нет на свете. Не на улице же ее бросить! Подержим недолго. Я стану хлопотать – в казенное место поместить.

Девочку оставили в семье.

Тетка и Липа не обижали Наташу, то есть не морили ее голодом, не били, не мучили. Но ведь бывают и иные обиды, такие же горькие и чувствительные. Наташу не любили, не жалели, нравственно угнетали; она была в семье лишняя, нежеланная…

– Чего ты тут под ногами вертишься? Отойди, сядь в сторону! – кричала тетка, если девочка попадалась ей на дороге. – Не греми, сиди тише, – говорила она, если Наташа нечаянно производила шум.

– Пожалуйста, не приставай с твоими глупыми вопросами! – обрывала девочку Липа при малейшей попытке поговорить. – Ну, чего ты на меня так смотришь? Ведь я не картина! – вдруг набрасывалась она, заметив устремленные на нее большие детские глаза.

Тихо, точно тень, бродила маленькая Наташа по квартире, но всего чаще она сидела за диваном на скамеечке и молча наблюдала за происходившим в доме.

Тетка и Липа считали Наташу глупой, чуть ли не дурочкой. Но если бы они хоть раз когда-нибудь смогли заглянуть в ее маленькую душу, узнать, о чем молят ее большие, грустные глаза, прислушаться к сиротским слезам в длинные зимние ночи!..

Наташа росла, как былинка в поле, – до нее никому не было дела. Утром она тихо вставала, сама мылась, одевалась в какое-то старье. Девочку ничему не учили, никто с ней не разговаривал; она твердо знала только одно: что ей никогда ничего не позволяют. Если ее посылали в лавку или в булочную, то она шла, оглядываясь по сторонам, и спешила как можно скорее домой – она была очень пуглива, страшилась уличного шума и боялась людей.

Если Наташа заболевала, то ее укладывали в кухне на сундук. Она лежала целыми днями одна – без жалоб, без просьб.

Был, правда, один человек, который как будто и жалел сиротку: дядя Петя изредка украдкой гладил Наташу по голове и просил для нее чего-нибудь у Марьи Ивановны. Но маленькая стриженая головка рано научилась за всем наблюдать и все воспринимать по-своему. Наташа давно решила в своем умишке, что дядя Петя боится тети Маши и делает все так, как она хочет, а тетя Маша делает все так, как хочет Липа. «За что обе они терпеть не могут родню дяди Пети? За что?» – спрашивала себя девочка – и не находила ответа.

Жизнь в маленькой квартире шла изо дня в день однообразно, пусто и бессодержательно. Такая жизнь в семьях, где есть молодые девушки, уже отходит в область преданий. Теперь девушки стремятся быть полезными, учиться чему-нибудь, трудиться по мере сил, сделать жизнь по возможности приятнее и счастливее. Липа же представляла собою жалкое исключение: целыми днями она или сидела у окна и что-нибудь жевала, или смотрелась в зеркало, или лежала с книгой на диване… Она полнела, скучала и придиралась к Наташе. А между тем девушка училась в школе и могла бы жить счастливо, с пользою, и других сделать счастливыми, хотя бы ту же маленькую Наташу…

Лишь изредка Липа принималась делать какие-нибудь никому не нужные бумажные розетки или садилась за рояль.

Наташа наблюдала из-за дивана за всем происходящим и многое даже умела угадать. «Сейчас Липочка будет “Приер дивиер”[5] играть», – соображала девочка, если двоюродная сестра особенно грациозно поднимала руки над фортепиано. Липа всегда играла одну и ту же пьесу, уже хорошо знакомую Наташе, с мудреным названием «Приер дивиер», как говорила девушка. Иногда Липа откидывала голову назад и поднимала глаза к потолку.

«Сейчас петь будет: “Люди добрые, внемлите печали сердца моего”», – догадывалась Наташа, и не ошибалась.

Так и тянулась эта пустая жизнь.

[5] «Молитва девы», популярная в то время музыкальная пьеса.

Петр Васильевич ходил на службу куда-то в канцелярию и работал с утра до ночи. Марья Ивановна хозяйничала дома: ходила на рынок, стряпала, стирала, гладила, шила и не могла наглядеться на свою любимицу Липочку.

Однообразие жизни Петровых нарушалось лишь изредка, когда они уходили в гости или когда у них в торжественные дни собирались знакомые. В ожидании гостей в маленькой квартире происходил разгром: все убирали, мыли, стряпали, переносили мебель из комнаты в комнату. Вечером приходили гости. Наташа, одетая почище, в платье, которое было ей по росту, должна была обносить гостей булками. Это были торжественные, незабываемые минуты! Как боялась девочка сделать что-нибудь не так! Вытянув худенькую шею, приподняв голову, раскрасневшись, она дрожащими руками держала перед собой сухарницу с нарезанными булками и степенно шла за теткой, обносившей гостей чаем.

– Славная у вас девочка! – говорил кто-нибудь из гостей, погладив Наташу по голове.

– Это у нас сиротка, племянница мужа живет. Нельзя бросить – вот и растим, воспитываем, жалеем, – нежным голосом отвечала тетя Маша.

– Вас Господь наградит за то, что сироту не покидаете, – говорили гости и снова гладили Наташу по голове, иногда даже целовали в щечку.

Других ласк девочка не видела в жизни и после таких вечеров долго находились как бы в тумане – под влиянием радостного воспоминания.

Сидя за диваном или засыпая вечером, Наташа перебирала в своей головке нескончаемые мечты и желания. «Когда я вырасту большая, – фантазировала она, – я найму себе точно такую же квартиру, как у тети Маши, и куплю себе точно такую же мебель, посуду и фортепиано и все… Стану играть “Приер дивиер” и петь “Люди добрые, внемлите печали сердца моего”… И позову к себе много-много гостей…»

Девочке очень не хотелось бы приглашать тетеньку и Липочку, но на такой своевольный поступок она не решалась.

«Приглашу к себе в гости дядю Петю, тетю Машу и Липочку, куплю поджаристого ситного, ливерной колбасы и варенья – черной смородины… много-много… Липочка любит», – мечтала Наташа.

Она хотела в будущем поразить родственников своей щедростью – вероятно, оттого, что ее всегда обделяли сладкими кусочками.

Впрочем, детские мечты не шли дальше обыденной жизни, в которой растет маленький человек. За последнее время Наташа мечтала более всего о том, что, когда она вырастет большая, первым делом возьмет к себе жить «почтенного дядюшку», будет его сытно кормить и позволит спать на диване в зале, а не в кухне. «Куплю ему такое же пальто и шляпу, как у дяди Пети», – твердо решила Наташа.

Новый жилец

Совершенно неожиданно для себя и для других «почтенный дядюшка» вскоре все-таки был водворен на жительство в кухне Петровых. Случилось это вот как. Раз ночью Наташа, спавшая очень чутко, услышала какой-то странный шорох в прихожей: кто-то осторожно шевелил ручкой и будто что-то строгал. Девочка испугалась, приподнялась на диване и стала прислушиваться… Да, положительно кто-то дергал дверную ручку…

– Тетенька! Тетя Маша! Дядя Петя! – замирающим от страха голосом окликнула Наташа, спустив с дивана босые ноги.

Ответа не последовало. Девочка ощупью пробралась в комнату тетки и, дрожа, как в лихорадке, зашептала:

– Тетя Маша, проснитесь!

– Что случилось? Чего тебе не спится? – послышался недовольный сонный голос.

– Тетенька, там в прихожей… Там кто-то стучит!..

– Кто еще стучит? Чудится тебе!

– Нет, правда… Вот послушайте сами…

Обе замолчали. В прихожей явственно слышались какое-то глухое царапанье и осторожный стук.

Хозяйка быстро вскочила с кровати, надела туфли, накинула капот и на цыпочках пошла к мужу.

– Не шуми, – сказала она Наташе.

В комнате Петра Васильевича чиркнула спичка и засветился огонь. Наташа как тень скользнула в залу и увидела, что дядя, в халате и со свечой в руках, прошел в прихожую.

– Кто там? – громко спросил он у двери. Никто не ответил.

– Кто же там? – повторил он еще громче. Опять молчание.

Петр Васильевич быстро отворил дверь в длинные узкие сени и, держа перед собой свечу, прошел до выходной двери.

Тетка и Наташа остались в прихожей.

Петр Васильевич обернулся назад. И тут произошло нечто ужасное. Дядя Петя внезапно остановился, побледнел как полотно, его рука со свечой сильно дрогнула. Широко раскрытыми глазами он уставился на что-то страшное, скрывавшееся за дверью и не видное стоявшим в прихожей.

В то же мгновение мимо Петра Васильевича шмыгнул рослый детина-оборванец, вырвал у него подсвечник, толкнул дядю Петю в грудь и скрылся.

Марья Ивановна и Наташа вскрикнули. Из спальни прибежала Липа. Петр Васильевич опомнился. Началась невообразимая суматоха: стучали к соседям, бегали за дворником, судили да рядили, а оборванца, конечно, давно и след простыл. Было ясно, что не с добрыми намерениями хотел этот человек проникнуть ночью в запертую квартиру: ручка двери оказалась попорченной, а замок почти выколочен. Впрочем, на этот раз – благодаря чуткому сну Наташи – все обошлось благополу чно.

Петровы не могли заснуть до рассвета и всю ночь только и говорили об ужасном происшествии. Сердце Марьи Ивановны смягчилось, и она сказала мужу:

– Петр Васильевич, пожалуй, пусть уж твой брат переедет к нам. Устроим его в кухне… Ты часто по вечерам ходишь в канцелярию. А если опять заберется вор? Страшно ведь!.. Конечно, будет нелегко: взрослый человек в семье дорого стоит… Ну да что уж делать! Доброе дело вознаградится…

На том и порешили. Даже Липа не возражала, так она была перепугана ночным происшествием.

На другой день к вечеру в кухне поселился новый жилец.

Наташа видела, как пришел Николай Васильевич, – с небольшим узелком в руках, в порыжелом, заплатанном, узком пальто с короткими рукавами; на шее был намотан темный шарф, на голове – поярковая[6] шляпа с широкими полями. Вид у него был крайне сконфуженный, и он на цыпочках пробрался в кухню.

– Что же, Машенька, Коля будет в кухне обедать? – спросил Петр Васильевич жену.

Та сделала изумленное лицо:

– Вот вопрос?! Конечно. Не сажать же его с собой за стол!

И вот в маленькой квартирке потекла новая жизнь, за которой внимательно следили любознательные детские глаза.

Наташа часто подолгу рассматривала «почтенного дядюшку».

У него были грустные глаза; голова – всегда набок, что придавало ему умоляющий вид; на шее постоянно намотан большой шарф. Какой он был тихий, безответный, услужливый! С какой готовностью он делал все, что ему приказывала Марья Ивановна: ходил в лавку, убирал посуду, ставил самовары, колол и носил дрова, мыл полы, даже стирал в корыте белье.

Марья Ивановна относилась к нему с обидным пренебрежением, Липа всегда смотрела на дядю со злой, презрительной гримасой. А Николаю Васильевичу так хотелось услужить им. Если Липа собиралась уходить, он стремглав бежал подать ей пальто.

– Чего вы бросаетесь?! Вас не просят! Оставьте! – не глядя на него, говорила девушка, вырывала пальто и отдавала матери:

– Мама, подержите.

Николай Васильевич, сконфуженный, уходил в кухню.

Что бы ни сделал Николай Васильевич, все было не так, все скверно, глупо… То начадил, то грязно вычистил посуду, то не мелко наколол дрова, то порвал, стирая, полотенца… Марья Ивановна каждый вечер пилила мужа: «Да, послал нам Бог наказание в лице твоего братца. Это такой идиот, ни к чему не способный. Только грязь разводит. С ним нужно ангельское терпение… Моего не хватает!»

Петр Васильевич обыкновенно не возражал.

Когда Марья Ивановна бывала в хорошем расположении духа, то шутила с дочерью:

– Смотри, Липочка, твой любимец, «почтенный дядюшка» идет!

– Не говорите мне про него, мама… И без того тоска смертная! – тянула Липа вялым, гнусавым голосом.

– Нет, ты взгляни… Ну, разве он не душка? Ты должна быть к нему почтительна, называть его «милый дядя Коля», должна с ним под ручку гулять!

– Не говорите, мама, не дразните меня, – отвечала Липа и делала вид, что обижается.

– Посмотри, Липочка, – не унималась развеселившаяся Марья Ивановна, – ну чем не кавалер? Головка набок, ногами загребает, руки трясутся, пальто и шляпа самые модные, на шее бантик… Просто душка! Смотри, смотри…

Девушка взглядывала в окно; мать и дочь начинали громко смеяться.

– Вот уродина-то! – говорила Липа, презрительно отворачиваясь.

Наташа тоже взглядывала в окно и не могла понять, чему смеются тетка и сестра, глядя на Николая Васильевича. Он шел по мосткам из лавки и осторожно нес в одной руке чашку с огурцами, а в другой – бутылку квасу… Он, конечно, озяб в своем тонком, холодном пальто; руки его покраснели, грустные глаза слезились. Больно было смотреть, как он держит голову набок, как волочит ногу…

Девочка с изумлением смотрела на хохотавших: она еще не знала, что бессердечные люди часто смеются над бедностью, несчастьем и уродством. Не знала Наташа и того, что по смеху

[6] Поя́рковый – сделанный из поярка, шерсти ягненка.

можно понять характер человека и что нет ничего отвратительнее бессмысленного и жестокого смеха.

Марья Ивановна несколько раз выгоняла племянницу из кухни, когда та стояла там, глядя на Николая Васильевича, и порывалась с ним заговорить.

– Не смей ходить в кухню! – кричала тетка. – Чего ты глазеешь на этого идиота? Вот он тебя поколотит! Занятия не можешь себе найти? Чтоб я не видела тебя в кухне! Надоели вы мне оба! Кажется, скоро я выгоню твоего «почтенного дядюшку».

Наташе было жаль его от всего сердца. «Лишь бы не выгнали… Пусть живет в кухне… Бедный! Умрет тогда под забором», – думала девочка.

Музыкальный вечер

Как-то вечером Петровы собрались в гости.

– Наталья, ложись сейчас же, при мне, спать, – приказала Марья Ивановна. Девочка беспрекословно начала раздеваться.

– Николай Васильевич, а вы, смотрите, будьте осторожнее, не вздумайте уйти из дома, – наказала хозяйка, приоткрыв дверь в кухню.

– Будьте покойны, Марья Ивановна, все будет хорошо… Пожалуйста, не тревожьтесь, – отвечал Николай Васильевич.

– Знаю я вас… Разве можно на вас надеяться, – ворчала Марья Ивановна. – Петр Васильевич, внуши-ка построже своему милому братцу, чтобы он тут чего не натворил… Не напился бы… И чтобы уходить не смел, – шептала она мужу.

– Коля, уж ты, пожалуйста… того… сиди дома. Не выпей, храни Бог… Я надеюсь на тебя… – просил Петр Васильевич, войдя в кухню.

– Полно, Петенька… Неужели я такой беспонятливый! Вы на меня ребенка оставляете… Разве у меня совести нет? Ты не беспокойся и не думай худого… – серьезно возражал Николай Васильевич.

Марья Ивановна потушила в гостиной огонь; все ушли. Наташе было еще рано спать; она долго ворочалась на диване, принималась мечтать, как она будет большая, и, наконец, стала задремывать. Вдруг сквозь дремоту ее поразили какие-то звуки – нежные, жалобные, дрожащие; казалось, они доносились из кухни.

Девочка приподнялась и села на диване. Звуки затихли. Что это было? Вот опять! Как жалобно, как хорошо кто-то играет! Да, замирающая, тихая музыка несется из кухни. Непреодолимое любопытство овладело Наташей. Она встала, проворно оделась, крадучись в темноте, неслышными шагами пробралась к дверям кухни, остановилась у щелки и замерла.

На кухонном столе горела маленькая лампа и стояла кастрюля, а к кастрюле была прислонена тетрадь с нотами. Николай Васильевич сидел на табуретке, держал у рта тоненькую дудочку и увлеченно перебирал пальцами по отверстиям. То, низко пригнув голову, он пристально смотрел в тетрадь и покачивался из стороны в сторону, то откидывал голову назад и играл с закрытыми глазами, то приподнимался на табурете и вытягивал тонкую, дрожащую ноту.

Наташа никогда еще не слышала такой музыки. «Точно птица поет», – думала она, затаив дыхание, приоткрыв рот и не сводя восторженных глаз с музыканта. А тот, казалось, забыл весь мир и играл песню за песней. Флейта точно плакала – затаенная грусть и жалоба звучали в ее тихих, нежных переливах. И у самого флейтиста из глаз капали слезы.

Вот он кончил играть, отер красным ситцевым платком глаза и задумался, подперев рукой голову.

В эту минуту Наташа оступилась и нечаянно стукнулась о дверь. Николай Васильевич перепугался, точно его застали на месте преступления, завернул флейту в платок и бросился к дверям.

– Наташенька! Это вы? Простите! Я вас разбудил? Пожалуйста, простите! – растерянно бормотал он.

– Я… ничего… Так… Просто послушала, – испуганно твердила девочка, отступая назад.

– Я думал, вы крепко заснули… Соскучился… Поиграл немножко…

– Нет, я не спала… Я все слышала.

Оба смешались и не знали, что говорить.

– Простите, Наташенька! Экий я, право! Разбудил вас… – начал опять Николай Васильевич.

– Как вы хорошо играете, – немного придя в себя, сказала Наташа.

– Что вы, Наташенька! Это я так, для себя… Я ведь совсем не умею…

– Вы очень, очень хорошо играете, – повторила девочка, переступив через порог и останавливаясь у плиты.

– Я люблю поиграть… Одна в жизни услада… Скучно тоже… Выучился самоучкой. Флейту один старичок подарил… Славный был, царство ему небесное! – говорил Николай Васильевич.

– Сыграйте еще, – робко попросила девочка, подходя к кухонному столу.

– Да я с радостью… Только ведь плохо… Боюсь вот, пожалуй, наши вернутся – рассердятся.

– Они из гостей не скоро приходят, – успокоила его Наташа.

Николай Васильевич перевернул страницу в нотной тетрадке и снова заиграл. Наташа села на табурет и не спускала с него глаз. Все песни, одна другой грустнее, доходили до сердца маленькой слушательницы, вся жизнь которой была такая же грустная и заунывная.

Николай Васильевич остановился и начал бережно вытирать свою флейту.

– Теперь я все вам сыграл, Наташенька, больше ничего не знаю… Теперь вы шли бы спать… Не ровён час, наши вернутся, – сказал он.

– Нет, уж я лучше в кухне посижу… Тут так хорошо, – отвечала Наташа.

Наступило молчание. Дядя и племянница смотрели друг на друга.

– А вы боитесь тетю Машу? – серьезно спросила девочка, будто припомнив что-то.

– Нет, не боюсь.

– Я думала, что боитесь, – протянула Наташа и задумалась.

– А вы не можете совсем выпрямить голову? – помолчав, опять спросила Наташа.

– Нет, Наташенька, не могу. Это у меня от болезни.

– А вы знаете «Приер дивиер»?

– Это что же такое? – удивился Николай Васильевич.

– Это тоже такая музыка… Липочка всегда на фортепиано играет. Сначала так тонко-тонко, а потом толсто. Очень тоже хорошо.

– Нет, я этого не знаю… Я ведь по-настоящему не учился играть.

– А песню «Люди добрые, внемлите…» знаете? Ли-почка поет…

– И песни этой не знаю.

– А вы видели, какой у Липочки красный нос?

– Нет, не замечал… Это от Бога, Наташенька, кому что дано… На это нехорошо смотреть. Что ж за беда!..

– Да? А вот Липа все смотрит на свой нос в зеркало и мажет его мазью, – серьезно сказала Наташа и замолчала.

– Липочка очень любит ливерную колбасу, – неожиданно прибавила девочка.

– Ведь оно хорошо… Отчего ж не любить? – отвечал Николай Васильевич. – Пусть себе кушают на здоровье, Наташенька… На это тоже не надо смотреть…

– А где вы раньше жили? У вас была квартира?

Николай Васильевич смутился.

– Эх, Наташенька, не спрашивайте об этом… Жизнь моя была плохая… Не стоит вспоминать… Судьба-то забивает людей!.. – печально отвечал он.

«То же говорит про судьбу, что и дядя Петя», – подумала Наташа и, качнув головой, со вздохом сказала:

– Вас тетя Маша ни за что не хотела брать в кухню жить… Дядя Петя из-за этого плакал… Они с Липочкой говорили, что вы помешанный… что вы напьетесь и еще беды наделаете… Еще говорили, что вы меня поколотите…

Николай Васильевич покраснел и долго молчал, опустив голову.

– Нет, Наташенька, вы не верьте! – наконец тихо заговорил он. – Я вас никогда не обижу… Я человек больной, несчастный… Прежде, давно, и я людей знавал, тоже учился кое-чему… А теперь только горе мыкаю… Вот живу здесь из милости… А выгонят – буду бродить по улицам, как бездомная собака.

– Нет, вы хороший! Мне вас жаль! – растроганным голоском прошептала Наташа, скорее в ответ на собственные мысли, и с нежностью положила свою худенькую ручку на руку Николая Васильевича.

– Доброе у вас сердечко, – сказал тот. – Только, вижу я, судьба и вас не балует… Малы вы, Наташенька, еще ничего не понимаете…

– Нет, я все понимаю, – возразила девочка.

В это время в сенях послышались шаги.

– Наши! – испуганно воскликнул Николай Васильевич и засуетился по кухне.

Наташа, как мышонок шмыгнув в гостиную, дрожащими руками сбросила платье, легла и крепко зажмурила глаза. Ее сердечко тревожно билось от полноты новых ощущений. Она услышала голос Николая Васильевича:

– Озябли, Марья Ивановна? – спрашивал он. – Петенька, позволь пальто, я вытряхну. Олимпиада Петровна, я вам сейчас помогу… Кажется, снег идет?

Ни Липа, ни тетка ни слова не ответили ему, только дядя Петя спросил:

– Все у нас благополучно, Коля?

– Все, слава Богу… Я и не ложился, вас поджидал, – последовал тихий ответ.

Наташа стала засыпать… Какие-то приятные грезы туманили стриженую головку. Девочке представлялось, что с ней случилось нечто необыкновенное, что завтра, когда она проснется, с ней произойдет что-то новое, хорошее, радостное…

Тепло и свет

Со времени случайного «музыкального вечера» для Наташи и Николая Васильевича будто началась новая жизнь. Казалось, в квартире Петровых стало теплее и светлее. Наташа ожила; в ее больших грустных глазах временами вспыхивали веселые огоньки; она стала живее двигаться, часто порывалась заговаривать с «большими», за что всегда получала сердитые окрики тетки:

– Наталья, ты с ума сошла? Чего ты лезешь с глупыми разговорами? Чему ты все ухмыляешься, так же как и твой идиот-дядюшка?! Вот наказанье-то! Нечего сказать, наградил Господь родственничками!..

Николай Васильевич все чаще посматривал на маленькую девочку с отеческой нежностью, молча ей улыбался и кивал головой; иногда он украдкой приносил ей из лавки пастилку или леденчик. Наташа взглядами благодарила его, думая о том, какой он добрый и хороший – ведь ее никто еще так не баловал.

Однажды тетка застала Наташу в кухне. Она стояла, облокотившись на колени дяди, смотрела ему в глаза и непринужденно болтала.

Разразилась буря.

– Наталья, ступай в комнату, – гневно закричала Марья Ивановна, прошла за племянницей, плотно прикрыла дверь и принялась ее бранить:

– Ты что, голубушка?! Это что еще за смешки с оборванцем-дядюшкой? Что, у тебя другого занятия нет?!

– Подумай, Липочка, какие нежности! Нашла себе подходящего друга! В глаза этому полупомешанному смотрит, глупости болтает, и оба смеются. Чтобы этих разговоров больше никогда не было! Слышишь?! А не то не обрадуешься!..

– Ты, Наталья, становишься нехорошей, своевольной девчонкой! – вялым голосом прибавила Липа.

Наташа не могла понять, почему тетенька и двоюродная сестра не позволяют ей говорить с Николаем Васильевичем. Что в этом плохого? Марья Ивановна и Липа тоже, конечно, не смогли бы объяснить, что тут дурного, но им просто нравилось показывать свою власть.

Для Наташи и Николая Васильевича порой, хотя и нечасто, выдавались веселые, отрадные вечера, которые они потом долго вспоминали. Как только хозяева уходили в гости, Наташа, сияющая, появлялась в кухне.

– Поиграйте на вашей флейте, Николай Васильевич, – просила она.

И Николай Васильевич играл для нее – все, что знал.

– Наташенька, вы, может, знаете какие-нибудь песни? – как-то раз спросил он девочку.

– Знаю «Люди добрые, внемлите печали сердца моего», которую Липочка поет.

– Эту я не могу играть. А еще не знаете ли какой?

– Еще помню немножко: «В селе малом Ваня жил». Давно-давно мне ее папа пел. Я тогда была еще маленькая.

– Вот-вот! Это отличная песня. Послушайте! Так, что ли?

Николай Васильевич заиграл.

– Да, она самая, – обрадовалась Наташа. – Дальше там:

Ваня дудочку берет,
Тане песенку поет.
Ай, люли, ай, люли!
Тане песенку поет.

– Попробуйте, спойте, Наташенька, – предложил Николай Васильевич.

– Нет. Мне стыдно, – отвечала девочка и застенчиво улыбнулась.

Николай Васильевич тоже улыбнулся.

– Чего же стыдиться-то?! Вот тоже сказали! Тут дурного ничего нет. Певицы поют перед тысячью народа и не стыдятся. Спойте, спойте, Наташенька!

Раздались звуки флейты, наигрывающей «Ваню и Таню». Наташа сначала не пела, а только шепотом, речитативом, дрожащим голосом и глотая слова, проговаривала песню.

– Погромче, Наташенька! Чего вы боитесь? – и Николай Васильевич сам запел хриплым, прерывающимся голосом:

«В селе малом Ваня жил…»

Наташа ему подтягивала.

– Ну, а теперь пойте как следует. Ведь у вас есть голосок! Право!

Николай Васильевич снова заиграл на флейте.

Пение стало раздаваться все громче и громче. Свежий, чистый голосок маленькой певицы звучал как серебряный колокольчик, и переливался вместе со звуками флейты.

– Очень хорошо выходит, Наташенька! Расчудесно! Вы точно настоящая певица! – восторгался Николай Васильевич. – Ну-ка, еще разок!

И ободренная девочка, раскрасневшаяся, улыбающаяся, с блестящими глазками, заливалась, как соловей.

У обоих на душе было хорошо и весело. Песня и музыка находят отклики в сердце каждого человека и будят в душе лучшие чувства и мысли.

После игры и пения в долгие зимние вечера Наташа и Николай Васильевич вели нескончаемые разговоры. И тут девочка узнавала много нового – иной мир открывался перед ней.

Николай Васильевич рассказывал, как живут другие люди за пределами их маленькой квартиры, рассказывал, как учатся дети в школах. Иногда он передавал девочке, что помнил, из Священной истории, читал стихи или басни.

– Еще, еще расскажите, – шепотом просила Наташа, восторженно переживавшая радость познания.

– Эх, Наташенька, поучил бы я вас, да сам почти все забыл. Не могу! Перезабыл… Так досадно!..

– Как мне хочется учиться и про все узнать! Как это хорошо! – мечтательно говорила девочка.

– Надо учиться, обязательно. Молите Бога, Наташенька, Он услышит детскую молитву. Все будет тогда к лучшему. Может, и учиться станете.

Наташа глубоко задумывалась…

Иногда Николай Васильевич рассказывал девочке про театры, про актеров, про разные представления – как поют певцы и певицы, как играют на разных инструментах, как народ от восторга бьет в ладоши, сколько там горит огней и как бывает весело.

– Вот, Наташенька, может, и вы будете певицей, когда вырастете, – прибавлял он.

– Мы уж лучше вместе. Вы будете играть на флейте, а я стану петь. Это будет очень хорошо! – отвечала девочка.

– Нет, Наташенька, я не гожусь! Меня тогда и на свете уже не будет, – говорил Николай Васильевич.

– Нет-нет, вы годитесь! Я не хочу без вас! Вы всегда будете на свете, – дрожащим голоском возражала Наташа. На ее глаза наворачивались слезы, и она доверчиво прижималась к дяде.

– Хорошая вы девочка, жалостливая! Малы вы еще, Наташенька, ничего не понимаете! – взволнованно шептал Николай Васильевич. – Наши идут! – вдруг испуганно прерывал он беседу, заслышав шаги.

Музыкальные способности Николая Васильевича скоро открылись и произвели в семье переполох.

Дело было вечером. Марьи Ивановны и Петра Васильевича не было дома. Липа лежала на диване и читала книгу. Наташа сидела в своем обычном уголке.

Совершенно неожиданно из кухни раздались тихие, едва слышные звуки флейты.

Липа приподнялась на диване, отложила книгу и, сдвинув брови, недоумевая, стала прислушиваться; очевидно, она не понимала, что́ это за музыка и откуда она доносится.

Наташа привстала и, вытянув худенькую шею, не спускала с двоюродной сестры торжествующего взгляда; ее рот расплылся в улыбке, глазенки блестели; все ее довольное, счастливое личико, казалось, говорило: «Ты удивлена? Ты не понимаешь, что это и откуда? А я знаю и восхищаюсь!»

Девочка не выдержала:

– Липочка, ведь это Николай Васильевич играет. Как хорошо! Он может и другие песни сыграть, еще лучше. Хотите, я попрошу?

Тут произошло нечто неожиданное. Липа стремительно сорвалась с места, лицо ее стало красным и злым, она распахнула дверь в прихожую и закричала:

– Николай Васильевич, вы, должно быть, совсем помешались?! Я – дома, я занята, читаю, а вы свистите тут на какой-то дудке!..

– Извините, Олимпиада Петровна! Я думал, что вы не услышите. Я тихонько, – сконфузившись, отвечал Николай Васильевич.

– Думают только индейские петухи! – резко ответила Липа и снова легла на диван. – А тебе, Наталья, еще достанется. Ты что-то очень большую волю берешь!

Наташа словно застыла на своей скамейке за диваном, без слов, без движения, с горькой обидой в сердце. «Бедный, бедный Николай Васильевич! Ему ничего не позволяют. И за все-то его бранят! Сама Липа свой “Приер дивиер” играет – как иногда гремит, и все ничего. А Николаю Васильевичу и тихонько поиграть нельзя», – с горечью размышляла девочка и еще сильнее желала скорее вырасти большой, взять к себе жить Николая Васильевича, позволить ему играть громко, на всю квартиру, и не пускать к себе Липу.

Когда вернулась домой Марья Ивановна, Липа, раскрасневшись, с негодованием рассказала матери о произошедшем:

– Вообразите, мама, дядюшка вздумал сегодня на всю квартиру на дудке свистеть! Вот флейтист явился!

– Что же, ты его, надеюсь, отчитала как следует?

– Конечно! Так на него накричала, что в другой раз не засвистит.

– Это ужас, что за народ нынче! Им делаешь благодеяние, поишь, кормишь, даешь угол, а они норовят на шею сесть. Неблагодарные!

– А эта глупая девчонка изволит восхищаться, говорит: «Хотите, Липочка, я его попрошу еще сыграть?» – передразнивала девушка Наташу.

– О! И доберусь же я до нее! Да как ты смеешь?! Становись сейчас в угол! Вот наказание! – сердилась Марья Ивановна.

Наташа заплакала и стала в угол.

– Петр Васильевич, – жаловалась вечером мужу Марья Ивановна, – потрудись приказать твоему братцу-флейтисту не разводить в моей квартире концертов… От них только голова трещит… Да вели Наталье язык за зубами держать. Очень она дерзка становится! Измучили они меня!

Петр Васильевич по обыкновению молчал, хмурился, и лоб его все глубже и резче прорезали морщины.

С тех пор Марья Ивановна и Липа называли Николая Васильевича не иначе как «дядюшка-флейтист». И с какой насмешкой произносилось это прозвище!..

Николай Васильевич не выдержал гнета и сорвался. Случилась беда. Вернулся он как-то из лавки в необыкновенно веселом настроении; сначала что-то бормотал сам с собою, потом стал петь, смеяться и, шатаясь, заговаривал с Марьей Ивановной.

– Да вы пьяны?! – закричала та вне себя. – Вон! Сейчас же вон! Чтобы духу вашего здесь не было!

– Куда ж я пойду? Извините!.. Вы не беспокойтесь, Марья Ивановна! Мне некуда идти… И не пойду! Конечно, я немножко… Вы извините, – бормотал Николай Васильевич, затем лег в кухне на полу и тотчас же заснул.

Марья Ивановна очень сердилась и требовала, чтобы муж прогнал брата. Но потом дело как-то затихло. Петр Васильевич уговорил жену простить Колю, а того сильно пристыдил.

Наташа перетрусила не на шутку. После того случая она долго молча смотрела на Николая Васильевича – с укором, печально и серьезно.

Наташа заболела

Наташа заболела. Случилось это как раз на именины Липы, когда Петровы ждали гостей.

Девочка металась в жару; ее голову нестерпимо ломило, глаза слипались, ноги подкашивались; она то прислоняла больную голову к спинкам стульев, то ложилась на диван и смотрела на всех страдающими воспаленными глазами.

– Не беда! Поправится! – говорила тетка. – Наталья, иди-ка, ляг в кухне на сундук. Там тебе будет спокойно.

– Машенька, ты бы ее малинкой попоила да прикрыла потеплее, – заикнулся было Петр Васильевич.

– Без тебя знаю, – оборвала его жена.

Наташа ушла в кухню и легла там на сундуке.

– Николай Васильевич, знайте, если вы сегодня выпьете хоть одну рюмку водки, я вас немедленно выгоню! – сказала расфранченная Марья Ивановна, выходя в кухню.

Николай Васильевич промолчал и с беспокойством взглянул на Наташу.

Наступил вечер. Собрались гости. В гостиной слышались говор, смех, музыка. Там играли в карты, угощались; Липа отчаянным сопрано пела свое «Люди добрые, внемлите…»

Марья Ивановна беспрестанно выбегала в кухню и кричала на Николая Васильевича:

– Вымыли посуду? Как вы долго возитесь! Давайте сюда… Экий тюлень! Ставьте самовар!

Она вырывала полотенце из рук Николая Васильевича и сердито перетирала стаканы и чашки.

Наташа лежала на сундуке и стонала. Музыка, пение, крики и стук отзывались в ее больной головке, как тяжелые удары молотка.

– Николай Васильевич! – окликала она, как только тетка скрывалась из кухни.

– Что, Наташенька?.. Что?.. Попить хотите?.. Да? – спрашивал тот тревожно, нагибаясь к девочке.

– Николай Васильевич, слышите?! Это Липа «При-ер дивиер» играет. А кто булками обносит гостей? Ой, как голову больно! Дайте попить…

– Сейчас, Наташенька, сейчас, милая… Я вам чаю с лимоном налью… Тетя не увидит… Пейте…

Дрожащими руками он приподнимал стриженую головку и бережно поил девочку.

– Николай Васильевич, подойдите ко мне… – через несколько минут снова звала Наташа. – Я боюсь, боюсь тети Маши…

Николай Васильевич подходил, с нежной лаской нагибался к больной и гладил ее по голове.

– Не бойтесь никого… Я тут, с вами… Вас не обидят. Может, головку примочить? Да? – спрашивал он, и глаза его застилались слезами.

– Дайте мне руку, – Наташа горячими, сухими ручками ловила руку дяди и прижималась к ней пылающей щекой. – Так хорошо! – шептала она и закрывала глаза.

Что было хорошо, Николай Васильевич не знал; может быть, именно то, что ребенок впервые не чувствовал себя одиноким.

Заслышав шаги хозяйки, Николай Васильевич вставал у сундука и прикрывал собой больную.

– Самовар подайте! За хлебом сбегайте! – кричала Марья Ивановна. – Какой вы бестолковый! Чего вы по кухне мечетесь?

Николай Васильевич делал все как в чаду. Все его мысли и тревоги были обращены к маленькой девочке, беспомощной, покинутой. С беспокойством посмотрев на Наташу, он торопливо побежал в лавку за хлебом и мигом вернулся.

Нарезая хлеб, он неожиданно заметил, что большие, болезненно блестящие глаза в упор смотрят на него.

– Что, Наташенька? Не надо ли чего? – заботливо спросил он.

– Дядя Коля… – тихо позвала девочка. Она впервые его так назвала; это вырвалось у нее так ласково, от души.

С замирающим сердцем бросился Николай Васильевич на этот зов.

– Что, милая? Попить хотите?

– Дядя Коля… сядьте на сундук… Вот тут. Сядьте. Знаете, Николай Васильевич, вы не пейте водки… Пожалуйста, не пейте! Тетя Маша вас бранит и сердится. А я вас тогда боюсь… Правда, боюсь… Вы тогда страшный и гадкий…

Николай Васильевич опустил голову и долго-долго молчал. Вдруг он словно очнулся и решительно вскинул глаза на девочку.

– Даю тебе честное слово, Наташенька, не стану больше пить. Гадость она, водка-то… Поправляйся. Для тебя не стану. Вот увидишь.

Наташа улыбнулась и погладила дядю по руке.

– Я вас очень люблю. Больше, чем дядю Петю… Больше гостей, больше всех, – лепетала девочка, протягивая худенькие руки. Она охватила нагнувшегося к ней дядю за шею и закрыла утомленные глаза.

– Милая моя! Родная! Добренькая! – шептал Николай Васильевич, а крупные слезы одна за другой катились по его лицу и падали на пальто, которым была прикрыта девочка. Он гладил ее по голове, по щекам и смотрел на нее с умилением и тревогой.

Снова послышались шаги Марьи Ивановны. Николай Васильевич поспешно вскочил, взволнованный и растерянный.

– Что же вы хлеб-то не нарезали? Сами догадаться не можете! – кричала на него хозяйка.

…И вот под эти сердитые окрики, под резкие звуки фортепиано, под громкий смех гостей между этими двумя никому не нужными людьми был заключен сердечный союз. Без любви и привязанности так холодно жить. А живая, чистая любовь согревает жизнь, как солнечные лучи весной…

Сидя около Наташи, в полузабытьи закрывшей глаза, Николай Васильевич с грустью смотрел на нее и думал, какая она маленькая и одинокая, растет без ласки отца и матери, никому не дорога, лишена детских радостей, не знает веселья… Положим, Петенька жалеет Наташу, но ведь у него есть своя дочь, да еще он боится Марью Ивановну. Наташу же некому пригреть… А какой ребенок не жаждет ласки, не льнет к доброму человеку!..

– Липочка поет «Приер дивиер»… Я буду петь… Дядя Коля… дядя… Я боюсь… Дядя Коля… Мне страшно… Спрячьте меня, – бредила Наташа.

Николай Васильевич то гладил ее по голове, поправлял подушку, подносил пить, то сжимал свою голову руками и что-то шептал. Он давал сам себе обеты не бросать и оберегать девочку на ее жизненном пути, сделать для нее что-то хорошее, что – он и сам еще не знал, но все ему казалось теперь возможным и достижимым.

Под утро гости стали расходиться. Наташа заснула. Николай Васильевич вздохнул и, поминутно посматривая на заснувшую девочку, изо всех сил стараясь не шуметь, принялся мыть и убирать посуду.

Дядюшку выгнали

Наташа выздоровела. Это была одна из тех детских болезней, которые возникают неожиданно, но скоро проходят. Между тем Николай Васильевич за то время, что девочка пролежала в кухне на сундуке, сильно изменился, даже осунулся, тревожась за нее. Он бродил как тень и твердо выдерживал обещание, данное племяннице.

Наташа поправилась, перебралась на свое место – в залу, за диван, и Николай Васильевич повеселел.

Похудевшая, слабенькая девочка сияла тихим счастьем, точно болезнь переродила ее.

Раз тетка ушла за провизией, а Наташа, улучив свободную минутку, вбежала в кухню.

– Дядя Коля, наши сегодня на весь вечер в гости уйдут! – радостно шепнула она, рассмеялась и захлопала в ладоши.

Этим было сказано многое: обоим представился веселый вечер, разговоры, пение, игра на флейте. Такие светлые минуты нечасто выпадали на их долю.

– Твой «почтенный дядюшка-флейтист» сегодня совсем с ума спятил, – говорила Липе вернувшаяся Марья Ивановна. – Представь, душенька, стирает в корыте полотенца и ухмыляется во весь рот. Вот сокровище-то!

– Ах, и не говорите мне о нем! – ответила Липа.

Наташа догадалась, чему улыбался дядюшка, и в ее больших глазах мелькнул задорный огонек.

Вечером, как только хозяева скрылись за дверью, девочка была уже в кухне.

– Ну, дядя Коля, давайте теперь играть на флейте, – весело подпрыгнув, сказала она.

– Погоди, Наташечка… наши еще не успели далеко отойти. Услышат, тогда нам плохо будет. И кухню вот надо прибрать…

– Как мы с вами давно на флейте не играли! Я все ждала, ждала, когда-то они уйдут. Как я рада! А вы, дядя Коля, рады, что они ушли? – болтала Наташа.

– Конечно, нам с тобой вдвоем-то посвободнее. Только они ведь хозяева, Наташечка… Тут уж их воля…

– Играйте, играйте же скорей! Сначала мою любимую, знаете, так тонко-тонко-тонко, а потом – как птичка…

Зазвучала флейта. Николай Васильевич переиграл все, что знал. Наташа спела «Ваню и Таню».

– Слушай, Наташечка, выучи-ка «Среди долины ровныя»… Это самая лучшая на свете песня. Ты послушай-ка, что это за песня.

И Николай Васильевич тихо запел своим надтреснутым голосом:

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте.

Высокий дуб развесистый
Один у всех в глазах,
Стоит один, бедняжечка,
Как рекрут на часах!

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?

Ударит непогодушка —
Кто станет защищать?

Ни сосенки кудрявыя,
Ни ивки близ него,
Ни кустики зеленые
Не вьются близ него.

– Очень хорошая песня! Такая жалостливая, – вздохнула Наташа, когда певец замолк. – Спойте, дядя Коля, еще раз. Научите меня…

Они запели вместе.

Вечер проходил весело. Наташа уже без помощи дяди второй раз спела «Среди долины ровныя». Прислонившись к плите, сложив на груди руки, она с увлечением выводила вслед за флейтой:

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень принять?
Ударит непогодушка —
Кто станет защищать?

– высокой, чистой нотой закончила девочка и, закинув назад головку, прикрыла глаза и развела руками.

– Чудесный у тебя голосок, Наташечка. Наверное, ты певицей будешь. Повтори-ка это место еще раз.

Взойдет ли красно солнышко —
Кого под тень…

– снова затянула маленькая певица.

– Это что такое?! – неожиданно раздался раздраженный голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.